

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

РОДЖЕР ЖЕЛАЗНЫ РУЖЬЯ АВАЛОНА

ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА
ПО ЛУЧШЕЙ
ЦЕНЕ

Роджер Желязны Ружья Авалона

Серия «Хроники Амбера»

Серия «Пятикнижие Корвина», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121842

Р. Желязны. Ружья Авалона: ООО «Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-87502-3

Аннотация

Вторая книга культового цикла «Хроники Амбера» знаменитого мастера американской фантастики Роджера Желязны повествует о дальнейших приключениях девяти принцев в борьбе за престол Янтарного королевства. Принц Корвин вырвался из заточения и готов на все, чтобы получить вожаденную корону. Даже прибегнуть к помощи темных сил. Но плата слишком высока – хаос и смерть во всем Амбере. Примет ли Корвин свою судьбу или будет сражаться за благополучие своего королевства?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	43
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Роджер Желязны Ружья Авалона

Roger Zelazny

The Guns of Avalon

© 1972 by Roger Zelazny

© Соколов Ю., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Выпрыгнув на берег, я сказал: «Прощай, «Бабочка»!» – и суденышко скользнуло с отмели на глубоководье. Я знал, что лодка вернется к маяку на Кабре – остров находился неподалеку, в самом начале Царства Теней.

Потом я обернулся к черной гряде деревьев вдоль берега – дальний путь предстоял мне теперь – и направился к ним, слегка забирая в сторону. Лес зябко цепенел в предутренней прохладе, однако все было чудесно. Правда, я потерял фунтов пятьдесят веса и порой в глазах у меня двоилось, но дело повернулось к лучшему. Мне удалось бежать из темниц Амбера – помогли сперва свихнувшийся Дворкин, а потом пропитой Джонин. Я стремился в страну, похожую на края, что теперь исчезли навеки. Заметив уходящую в лес тропу, я направился по ней.

Недалеко от опушки возле тропы оказалось дуплистое дерево – именно там, где я и предполагал. Пошарив в дупле, я извлек свой серебряный клинок и пристегнул к поясу. Пусть мой меч только что был где-то в Амбере – теперь он при мне; ведь этот лес уже в Царстве Теней.

Так я шел несколько часов, оставив солнце за левым плечом. А потом передохнул и пустился дальше. Как здорово это было: видеть листья и скалы, стволы деревьев и пни, траву и черную землю. И вновь ощущать дивные летние запа-

хи, слышать ни с чем не сравнимое лесное жужжание и чирканье. Бог мой! Как дорожил теперь я глазами! После почти четырехлетней тьмы я обрел их вновь... Не хватало слов. Даже просто идти по земле...

И я шел. Утренний ветерок колыхал мой изодранный плащ. Должно быть, я выглядел лет на пятьдесят: изможденный, морщинистый, тощий. Кто теперь меня узнает?

И я все шел в этом Царстве Теней, шел, зная ведь, куда надо идти, но пришел не туда. Значит, я сдал. Тут все и началось...

На обочине валялись семеро в разной мере изрубленных людей. Шестеро были уже мертвы. Седьмой вроде бы отдышал, привалившись к обомшелому стволу древнего дуба. Клинок его лежал на коленях. Из обширной раны в правом боку все еще сочилась кровь. Он был без доспехов, хотя на нескольких убитых они имелись. Серые глаза его уже начинали стекленеть. Костяшки пальцев были ободраны, дыхание еле заметно.

Из-под кустистых бровей незнакомец следил за воронами, что клевали глаза у трупов. Меня он, похоже, не видел.

На всякий случай я надвинул капюшон пониже и подошел к раненому. Я знал этого человека – точнее, другого, похожего на него.

Клинок шевельнулся. Острие обратилось ко мне.

– Я друг, – сказал я. – Пить хочешь?

Немного поколебавшись, он кивнул:

– Да.

Я откупорил фляжку и подал ему.

Он отхлебнул, закашлялся, выпил еще.

– Благодарю вас, сэр, – сказал раненый, возвращая фляжку. – Неплохо бы только чего-нибудь покрепче. Чертов порез!

– Есть и покрепче, если выдюжишь.

Я вытащил пробку из малой фляжки и вложил ее в протянутую руку. После глотка того зелья, что пьет Джонин, он зашелся кашлем едва ли не на полминуты. А потом улыбнулся левой стороной рта и подмигнул мне.

– Теперь много лучше. Вы не будете возражать, если я капну этого на бок? Ужасно жаль доброе виски, но...

– Если надо, выливай все. Правда, у тебя руки трясутся... Давай-ка я помогу.

Он согласился; я распахнул на нем кожаный колет и вспорол кинжалом рубаху, чтобы видеть рану. Выглядела она скверно – глубокий опоясывающий разрез повыше таза. На руках, груди и плечах порезы были полегче.

Кровь все еще сочилась из большой раны. Я промокнул платком и досуха вытер кровь.

– Отлично, – сказал я. – Теперь сожми зубы и отвернись. – И плеснул жидкость на рану.

Резкая судорога передернула его тело, а затем перешла в мелкую дрожь. Он даже не вскрикнул – я и не ожидал иного. Я стряхнул носовой платок и приложил его к ране, забинто-

вав длинной полосой ткани, которую пришлось оторвать от собственного плаща.

– Выпьешь еще?

– Воды бы, – ответил раненый. – И поспать.

Он попил, и тут же голова его склонилась на грудь. Я сделал ему что-то вроде подушки и прикрыл плащами убитых.

А потом сел рядом и стал следить за веселенькими черными птицами.

Он не узнал меня. Но кто мог бы узнать меня теперь? Если бы я открылся ему, тогда, возможно, другое дело. В этом мире мы с ним никогда и не встречались, но в другом...

Я не шел наобум, я искал в Царстве Теней хорошо знакомое место. Пусть его уничтожили – мне было по силам воссоздать его, ведь Амбер отбрасывает бесконечное множество Теней. И принц королевской крови по праву рождения может свободно перемещаться среди них. Зовите Тени параллельными мирами, если хотите, или сообщающимися вселенными, если угодно, или воплощенным бредом, если достанет дерзости. Я же зову их Царством Теней, так называют их все, кто способен двигаться от Тени к Тени. Мы выбираем цель – мир, который требуется, и просто идем в нужную сторону и приходим, куда нам надо. А значит, в известном смысле и творим такой мир. Но пока хватит об этом.

Я отправился в путь к Авалону¹, и лодка от маяка несла

¹ Авалон – островной рай в западных морях, куда, по легенде, отправился умирать король Артур.

меня именно к нему. Я жил там давно, много столетий назад. Долгая это история, в ней переплелись и боль, и гордость... Может быть, когда-нибудь я расскажу об этом, если сумею дожить...

Так я приближался к моему Авалону, но по пути набрел на раненого рыцаря и шестерых мертвецов. Пройди я тут несколько раз, то, возможно, обнаружил бы и такое место, где рыцарь стоит невредимым в окружении шестерых покойников, или место, где он лежит недвижим, а шестеро над ним хохочут. Некоторые говорят, что так или этак – безразлично, ведь в Царстве Теней нет истинного, а есть только возможное, и мертвецы одной Тени живы в другой.

Мои братья и сестры – пожалуй, кроме Джерарда и Бенедикта – даже и не оглянулись бы. Но я стал довольно мягкосердечен. Прежде я таким не был. Наверное, долгое заточение в Царстве Теней, на Земле, размягчило меня, а муки в темницах Амбера напомнили о людских страданиях. Не знаю. Только я не сумел пройти мимо того, кто был похож на давнишнего друга – друга в беде. Шепни я теперь ему на ухо свое имя, не горькими ли упреками осыплет он меня, поведав печальную повесть.

Ну что же, теперь я могу отплатить ему добром: поставлю на ноги и исчезну. И не причиню вреда, а может быть, даже помогу, пусть это не тот человек, которого я знал когда-то.

Я терпеливо сидел и ждал. Через несколько часов он проснулся.

– Привет, – сказал я, откупоривая флягу. – Еще выпьешь?

– Спасибо. – Он протянул руку.

Сделав несколько глотков, он возвратил мне флягу и произнес:

– Прошу прощения, я не представился, с моей стороны это невежливо...

– Я знаю тебя. – Я не стал дожидаться, пока он договорит. – А меня зови Кори.

Он взглянул с удивлением, словно собираясь спросить: «Кори? Государь?» – но передумал и кивнул.

– Прекрасно, сэр Кори, – понизил он меня в ранге. – Я должен поблагодарить вас.

– Ты выглядишь уже пободрее, и для меня это лучшая благодарность, – ответил я. – Есть хочешь?

– Да, весьма.

– У меня найдется немного вяленого мяса, ломоть черствого хлеба и большой кусок сыра. Если хочешь – съешь все.

Я достал еду, он потянулся за ней.

– А вы, сэр Кори? – спросил раненый.

– Я уже поел. Пока ты спал.

Я многозначительно огляделся по сторонам, он ухмыльнулся.

– И ты один уложил всех шестерых? – спросил я.

Он кивнул.

– Неплохо смотрится. Что же мне теперь с тобой делать?

Раненый попытался заглянуть мне в глаза, но не сумел.

– Не понимаю, – ответил он.

– Куда ты направлялся?

– К друзьям, лиг за пять к северу. Все случилось как раз по пути. Только я сомневаюсь, чтобы кто-то, будь то сам дьявол, способен пронести меня на спине даже одну лигу. Могу подняться, сэр Кори, чтобы вы увидели, какого я роста.

Я встал, обнажил клинок и единым взмахом перерубил деревце дюйма два толщиной, ободрал кору и подрубил ствол до нужной длины. Повторил все еще раз, а потом поясами и плащами убитых связал обе жерди в носилки.

Он внимательно наблюдал за мной:

– Смертельный у вас клинок, сэр Кори, да к тому же, похоже, серебряный...

– Как насчет небольшого путешествия? – спросил я.

Пять лиг – это около пятнадцати миль.

– А как насчет убитых? – вопросом ответил он.

– Ты что, хочешь устроить им христианское погребение? – удивился я. – Плюнь, пусть природа сама позаботится о своем добре. Отсюда пора уходить, они уже разлагаются.

– Следовало бы хоть прикрыть их. Бились они храбро.

Я вздохнул.

– Ну ладно – если потом тебе будет спокойнее спать. Лопаты у меня нет, но можно набросать кэрн, холм из камней. Ты ведь знаешь – воинов нередко так хоронят.

– Хорошо, – ответил раненый.

Пока я укладывал всех шестерых рядом, он бубнил себе

что-то под нос, должно быть, молитву об убиенных.

Потом я оградил мертвых камнями – их вокруг было довольно. Хотелось побыстрее закончить, поэтому я выбирал камни побольше. И чуть было не раскрылся. Один из камней весил фунтов четыреста, я не стал перекачивать его, а просто ухватил и поставил куда надо.

Раздался изумленный вздох – конечно, он все заметил.

Пришлось изобразить гнев:

– Проклятый камень, чуть не переломился из-за него! – крикнул я, но впредь выбирал камни поменьше.

Закончив, я спросил:

– Ну, готов в путь?

– Да.

Я обхватил его руками и уложил на носилки.

Раненый закусил губу.

– Куда теперь? – спросил я.

Он махнул рукой в ответ:

– Обратно по тропе. Надо идти влево до развилки, а там направо. И как вы собираетесь...

Словно колыбель с младенцем я поднял его перед собой. Потом направился к тропе.

– Кори? – спросил он.

– Да?

– Из всех, кого мне доводилось встречать, вы один из самых сильных... Такого человека я должен бы знать...

Я не хотел торопиться с ответом. Но все же произнес:

– Пытаюсь сохранить форму. Веду здоровый образ жизни.

– ...и голос ваш мне как будто знаком.

Он посмотрел вверх, пытаясь разглядеть мое лицо.

Я поспешил сменить тему разговора:

– Кто же эти друзья, к которым мы идем?

– Мы направляемся в Твердыню Ганелона.

– Поганый штрейкбрехер! – невольно вырвалось у меня, и я едва не выронил раненого.

– Я не понимаю употребленное вами слово, – сказал раненый, – но, судя по вашему тону, оно выражает неодобрение. И если это так, я должен заступиться...

– погоди, – опомнился я. – Мы, видно, говорим о разных людях, хоть имя и одно. Извини.

Тело его заметно расслабилось.

– Несомненно, это так, – согласился он.

Тем временем дошли мы до тропки, и я повернул налево.

Раненый опять уснул, так что я мог как следует прибавить шагу и после развилки просто бежал, а он тем временем храпел. Как-то вдруг припомнились те шесть типов, что собирались расправиться с этим рыцарем и едва не преуспели в своем намерении. Хорошо бы у них не оказалось приятелей, слоняющихся по кустам.

Его дыхание изменилось, и я опять перешел на шаг.

– Я, кажется, заснул, – констатировал он.

– И храпел при этом, – добавил я.

– Далеко мы отошли?

– Лиги на две...

– И вы не устали?!

– Слегка, – отвечал я. – Но отдыхать еще рано.

– Мой Бог! Не хотелось бы когда-нибудь поссориться с вами. Уж не дьявол ли вы, случайно?

– Истинно так, – подтвердил я. – Принюхайся, разве ты не чувствуешь запах серы? И учти, мое правое копыто разболелось и просто не дает мне шагнуть как следует!

И он действительно глубоко вдохнул пару раз – меня это задело, – а потом ухмыльнулся.

На самом деле, как я считал, мы прошли тогда около четырех лиг. Я надеялся, что он снова уснет и не будет интересоваться длиной пройденного пути. Мускулы у меня уже начинали побаливать.

– Кем же были эти шестеро мертвецов? – спросил я.

– Это стражники Круга, – ответил он. – И они уже не люди, а одержимые злом. Молите Бога, сэр Кори, чтобы души их обрели мир.

– Стражники Круга? – переспросил я. – Какого Круга?

– Круга Тьмы, где творятся беззакония и разгуливают мерзкие твари... – Раненый глубоко вздохнул. – Там источник зла, поразившего страну.

– Незаметно, чтобы эта страна была поражена злом, – ответил я.

– Мы далеко от Круга, а владения Ганелона – пока еще слишком крепкий орешек для врага. Но Круг все ширится,

и последний бой разразится, похоже, неподалеку отсюда.

– Ты будишь во мне любопытство.

– Сэр Кори, если вы еще не слышали о Круге, лучше вам вовсе забыть о нем, не расспрашивать дальше, обойти его стороной и отправиться своей дорогой. Ох, как бы я хотел биться рядом с вами, но враг этот не ваш... Да кто знает, чем закончится бой?

Тропа стала изгибаться вверх, и за какой-то прогалиной я увидел нечто, напомнившее мне знакомые места.

– Что?.. – вырвалось у моего подопечного. – Да вы словно летели!.. Сюда-то нам и надо. Это Твердыня Ганелона.

И тут я стал думать о Ганелоне – не хотелось, но пришлось. Он был предателем и убийцей, и я выгнал его из моего Авалона много столетий назад. Иными словами, я просто увел его в другую Тень, то есть забросил в другое пространство и время... Таким же образом впоследствии обошелся со мной мой брат Эрик. Теперь оставалось лишь надеяться, что я не заслал Ганелона именно сюда. Такое возможно, хотя и не слишком вероятно. Он был смертен, и жизнь его была отмерена раз и навсегда. Я изгнал его лет шестьсот назад, но могло оказаться, что в этом мире годы равны столетиям. Время – тоже свойство Царства Теней, и даже сам Дворкин не знает всех его концов и начал. А может быть, и знает. Не оно ли свело его с ума? Самое трудное, как я понял, это творить время. И уж во всяком случае, едва ли этот Ганелон был некогда моим лютым врагом, а потом стал верным помощ-

ником: уж тот никогда не стал бы бороться со злом, поразившим страну, а скорее напротив – постарался бы побыстрее попасть в самую сердцевину зла, плюхнуться в самую мерзость.

Беспокоил меня и тот, кого я нес. В том Авалоне он тоже присутствовал при опале Ганелона; выходило, что времени здесь прошло действительно немного.

Ганелона – того, что я когда-то знал, – можно было не опасаться, и меня не заботило, узнает ли он меня. О Царстве Теней он не ведал ничего. Должно быть, решил, что я даровал ему жизнь, но околдовал, и если он и выжил, то, возможно, даже сожалел об этом.

Но человек на моих руках нуждался в помощи и покое, поэтому я все шел и шел.

И думал...

Наверно, было во мне что-то знакомое этому человеку. Это место не было моим Авалоном, но очень напоминало его... Быть может, здесь не забыли одну из моих собственных теней? А если помнят, то как? И как отнесутся они ко мне – истинному, если придется открыться?

Солнце уже садилось, подул свежий бриз. Приближалась холодная ночь. Мой подопечный снова захрапел, и я решил пробежать большую часть оставшегося пути. Не нравился мне этот лес; в потемках здесь в любой момент могли появиться служители мерзкого Круга, о котором я не знал пока ничего, но в том, что он реально существовал, сомневаться

не приходилось.

Солнце клонилось к закату, и я бежал, не обращая внимания на свои ощущения, а они говорили о том, что за мной кто-то следит – гонится и преследует. Наконец я вынужден был перейти на шаг, ощущения переросли в предчувствие боя, я уже слышал за спиной мягкие шаги: топ-топ-топ.

Поставив на землю носилки, я обнажил клинок и обернулся.

Их было две... кошки!

Ну точно как сиамские кошки, только величиной с тигра. Ярко-желтые глаза их светились огоньками, зрачков не было. Увидев, что я обернулся, они сели на задние лапы и не моргая уставились на меня.

Они были шагах в тридцати. Загородив собою носилки, я двинулся на них.

Левая кошка открыла пасть. Я ожидал услышать рык или мурлыканье. Но она заговорила:

– Человек при смерти, еле живой... – Голос был слишком высок для человеческого.

– Пока живой, – согласилась вторая кошка похожим голосом.

– Убить надо, – произнесла первая.

– А что делать со вторым, что с мечом? Мне не нравится этот меч.

– Он смертелен?

– Подойди – узнаешь, – тихо сказал я.

– Человек худ и, должно быть, стар.

– Но он нес раненого от кэрна бегом и не отдыхал. Заходим с боков.

Они шевельнулись. Я прыгнул навстречу той, что была справа.

Клинок рассек череп, перерубил плечо. Едва успел я повернуться и вырвать клинок из раны, как вторая скользнула мимо меня к носилкам. Я в бешенстве размахнулся.

Удар пришелся по спине, клинок перерубил ее. Кошка взвизгнула, словно мел по доске, тело ее развалилось надвое. Обе половины тут же загорелись. Первая кошка уже полыхала вовсю.

Но голова той, что я разрубил пополам, еще была жива. Пылающие глаза ее обратились ко мне.

– Я умираю последней смертью, – сказала она, – и я знаю тебя, открыватель Пути. Зачем ты убил нас?

Тут пламя охватило ее голову.

Я повернулся, протер клинок, вложил его в ножны, подобрал носилки и, отмахнувшись от вопроса, пустился дальше. Похоже, я начал догадываться, откуда взялась эта тварь и что имела в виду.

Но и до сих пор иногда вижу во сне горящую кошачью голову и, дрожа, в поту просыпаюсь; ночь тогда становится еще темнее, и смутно проступает в ней нечто.

Твердыню Ганелона окружал ров, и подъемный мост был

поднят. Четыре башни высились там, где сходились мощные стены. А за стенами свечами тянулись к небу еще более высокие башни, словно присосавшиеся к низким мрачным облакам. Они затмевали первые звезды и бросали длинные черные тени на высокий холм. Кое-где уже светились окна, ветер доносил дальний невнятный говор.

Я встал перед мостом, опустил раненого на землю, поднес руки ко рту и крикнул:

– О-ла-ла! Ганелон! Мы припозднились!

Раздалось звяканье металла о камень. Нас явно разглядели откуда-то сверху. Я попытался приглядеться, но острота зрения еще не вернулась ко мне.

– Кто там? – загремел громкий голос.

– Ланс, он ранен, и я, Кори с Кабры, что доставил его сюда.

Мои слова первый стражник прокричал другому, тот третьему и далее. Через несколько минут тем же способом последовал ответ.

А потом стражник крикнул:

– Отойдите подальше! Мы опускаем мост! Можете входить!

Сразу же раздался скрип, и вскоре подъемный мост с глухим стуком ударился о землю по нашу сторону рва. Я поднял раненого и вошел в замок.

Так внес я сэра Ланселота Озерного в Твердыню Ганелона, которому верил, словно родному брату, а это значит – не доверял ни на грош.

К нам тут же бросились люди, и я вдруг обнаружил себя в кольце воинов. Вражды, однако, не чувствовалось, только озабоченность была на их лицах. Я вошел на освещенный факелами просторный мощный двор, заполненный скатанными походными постелями. Пахло потом, дымом, лошадьми, кухней. Здесь уместилась едва ли не целая армия.

Люди подходили ко мне, глядели, что-то говорили друг другу. Наконец приблизились двое в полном боевом снаряжении, один из них тронул меня за плечо.

– Иди туда, – показал он.

Я последовал приказу, а они сопровождали меня по обе стороны. Подъемный мост со скрипом возвращался на место. Мы направились к главному зданию из темного камня. Через просторную прихожую в зал приемов, а потом к лестнице. Провожатый справа жестом пригласил меня подняться. На втором этаже мы остановились перед тяжелой деревянной дверью. Стражник постучал.

– Войдите, – раздался в ответ, к несчастью, слишком знакомый мне голос.

Мы вошли.

Он сидел у окна во двор за большим деревянным столом. Коричневая куртка наброшена поверх черной рубашки, черные брюки свободно заправлены в темные сапоги. За широким поясом – кинжал с роговой рукояткой. На столе перед ним лежал короткий меч. Рыжие волосы и бороду припудрила седина. Глаза его были черны, как ночь.

Ганелон посмотрел на меня, а потом обернулся к двум стражникам, что внесли следом носилки.

– Положите его на мою кровать, – распорядился он. – Родерик, за дело.

Его личный врач Родерик был немолод и не производил впечатления человека, способного натворить бед. Не затем тащил я Ланса из такой дали, чтобы его уморили каким-нибудь кровопусканием.

А потом Ганелон вновь обернулся ко мне.

– Где вы нашли его? – спросил он.

– В пяти лигах к югу отсюда.

– Кто вы?

– Меня зовут Кори, – отвечал я.

Он внимательно разглядывал меня, тонкие губы змеились в усмешке.

– И какова же ваша роль в этой истории?

– Не знаю, что вы имеете в виду, – ответил я.

Я сгорбился, старался говорить медленно, тихо и неуверенно. Моя убеленная дорожной пылью борода была длиннее, чем у него. Я надеялся, что кажусь стариком. Слова его свидетельствовали пока, что мне это удалось.

– Я спрашиваю, почему вы помогли ему?

– Как говорится, человек человеку брат, – отвечал я.

– Вы иностранец?

Я кивнул.

– Тогда рад видеть вас своим гостем столько времени,

сколько вы пожелаете.

– Благодарю. Скорее всего я уйду отсюда завтра.

– А теперь прошу разделить со мной ужин и поведать обо всем случившемся.

Так я и сделал.

Ганелон слушал внимательно, не отрывая от меня колющих глаз. Выражение «разить взглядом» всегда казалось мне поэтическим преувеличением, но только не в тот вечер. Он буквально пронзал меня взором. Я пытался понять, что знает он обо мне и о чем догадывается.

А потом нахлынула усталость, голова моя вдруг отяжелела. Усталость, вино, теплая комната – все навалилось разом. Я словно бы стоял где-то в углу, слушал оттуда разговор и видел себя. И понял, что хоть на короткие усилия я уже способен, однако выносливости еще не хватает. Я заметил, что руки мои трясутся.

– Прошу прощения, – услышал я свой голос. – Усталость от дневного перехода одолевает меня...

– Сочувствую, – ответил Ганелон. – Договорим утром, а теперь спите, спокойного сна.

Он подозвал одного из стражей и приказал проводить меня. Должно быть, по дороге я спотыкался – помнится, стражник поддерживал меня под локоть.

Всю ночь я спал мертвецким сном, и был он беспробудным и долгим... часов четырнадцать или больше того.

Утром все мои суставы ломило.

Я умылся. На высоком столике стоял таз с водой, рядом кто-то предусмотрительно положил мыло и полотенце. Горло еще першило от пыли, в глазах то и дело двоилось.

Я сел, чтобы прийти в себя.

Некогда я мог пройти весь этот путь с Лансом на руках, даже не почувствовав его веса. В ту пору у меня хватило сил, чтобы пробиться к Колвиру, в сердце Амбера.

Те дни миновали. Я словно бы постарел. Да я, должно быть, и выглядел стариком.

Надо было что-то делать.

Вес и силы не торопились возвращаться ко мне. Этот процесс следовало ускорить.

И я решил, что неделя-другая спокойной жизни и упражнений только пойдут на пользу. Пока Ганелон ни словом, ни жестом не показал, что узнал меня. Отлично. Я воспользуюсь его гостеприимством.

Решив так, я отыскал кухню и с удовольствием поглотил плотный завтрак. На самом деле было уже время ленча, но следует называть вещи своими именами. Хотелось курить, хотя отсутствие табака доставляло мне даже некоторое извращенное удовольствие. Судьбы следили, чтобы я не изменил себе.

Неспешно я вышел во двор, на яркий солнечный свет, и долгое время следил за упражнениями расквартированных там воинов.

В дальнем конце двора звенели тетивой луки. Мишени

были привязаны к снопам соломы. Я заметил на больших пальцах воинов наперстки. Тетиву воины брали по-восточному, а не тремя пальцами, как принято в Авалоне. Это различие заставило меня призадуматься о той Тени, куда я по-пал.

Мечники использовали и лезвия, и острия клинков, фехтовали мечами разной формы, демонстрировали различные приемы. Я попробовал сосчитать воинов и пришел к выводу, что во дворе замка их собралось около восьми сотен. Сколько еще могло находиться в замке, сказать было невозможно. Воины были самыми разными: и светлокожие блондины, и темноглазые брюнеты, и разных оттенков между ними. Стук и звон стали не заглушали голосов. По-разному выговаривали они слова, но все-таки по большей части вокруг звучала речь Авалона – язык Амбера.

Я заметил, что один из мечников поднял руку, опустил клинок, вытер взмокший лоб и отступил назад. Его соперник не казался уставшим. У меня появился шанс поразмяться.

Я шагнул к ним навстречу, улыбнулся и представился:
– Кори с Кабры, я следил за вами. А теперь, – обернулся я к рослому темноволосому мечнику, – что, если нам поразмяться, пока ваш друг отдыхает?

Не переставая улыбаться, он показал на рот и на ухо. Я попробовал еще несколько языков, но и они не возымели успеха. Поэтому я показывал то на клинок, то на него, а то на себя, пока он наконец не догадался. Его партнер, видимо, ре-

шил отдохнуть и предложил мне свой клинок.

Я взял меч. Он был немного короче и тяжелее, чем мой Грейсвандир. (Так зовется мой клинок; я пока не упоминал этого имени. Рассказ о нем будет долгим, и, может быть, я еще поведаю его, прежде чем вы узнаете окончание этой истории. Но когда я впредь назову его имя, вы будете знать, о чем речь.)

Я несколько раз махнул для пробы клинком, снял плащ, отбросил его подальше и встал в позицию.

Он атаковал. Я отразил удар и перешел в контратаку. Он парировал укол, сделал выпад и атаковал вновь. И так далее. Через пять минут я понял, что соперник отнюдь не слаб, но я сильнее его. Дважды он останавливал бой, чтобы я повторил прием. Усваивал он быстро. Через пятнадцать минут ухмылка его стала еще шире. Я понял, что приближается время, когда те соперники, что могли противостоять его ударам, пасовали, уступая его силе. Скажу вам: он был вынослив. Через двадцать минут на его лице появилось озадаченное выражение. Должно быть, по моему внешнему виду нельзя было даже предположить, что я продержусь так долго. Несведущий человек не может знать о том, что таит в себе отпрыск королевской династии Амбера.

Через двадцать пять минут он весь взмок, но продолжал бой. В таких случаях мой братец Рэндом становится похож на пыhtящего юного монаха. Однажды, правда, мы фехтовали с ним двадцать шесть часов, пока один из нас не сдался.

(Если вам любопытно, признаюсь – сдался я. На следующий день у меня было назначено свидание, и я хотел появиться не в худшей форме.) Но мы могли бы тогда продолжать. Пока мне не хватало сил на подобные деяния, но все равно я был выносливее своего соперника. В конце концов, он был всего лишь человек.

Через полчаса, когда противник мой уже задыхался и опаздывал с контрударами, стало ясно: он вот-вот поймет, что моя усталость притворна, и я поднял вверх руку, опустив при этом клинок, – так, как это сделал его первый соперник. Он тоже остановился, а потом рванулся вперед и обнял меня. Что он говорил, я не понял – догадался только, что он был доволен. Как и я сам.

Но мне было мало. Я обещал себе, что весь день буду изнурять себя в боевых упражнениях, потом поплотнее набью желудок и улягусь спать – без просыпа, – а на следующее утро повторю все сначала.

Поэтому я направился к стрелкам. Через некоторое время я одолжил у кого-то лук и привычным способом, тремя пальцами, с относительным успехом выпустил сотню стрел. Затем какое-то время глядел на всадников, на их копыта, щиты, булавы. Когда это мне надоело, отошел к тем, кто упражнялся в рукопашной.

Наконец я поборол по очереди троих и тут понял, что выдохся. Полностью. До конца.

Отдуваясь, насквозь пропотев, я сидел в тени на скамье.

И думал о Лансе, о Ганелоне и еде. Минут через десять я вернулся в свою комнату и снова ополоснулся.

Тут я почувствовал волчий голод, а потому отправился на поиски обеда и новостей.

Не успел я отойти подальше от двери, как один из двух стражников, которых я запомнил с минувшего вечера, – тот, что провожал меня спать, – подошел ко мне и сказал:

– После удара обеденного колокола лорд Ганелон просит вас отобедать с ним в его апартаментах.

Я поблагодарил, обещал непременно явиться, вернулся к себе и отдыхал на кровати, пока не настало время. А потом направился к Ганелону.

Мышцы мои начинали болеть, добавилось и синяков. Что ж, это неплохо и поможет мне выглядеть старше. Я постучал в дверь Ганелона. Впустил меня мальчик, затем немедленно присоединившийся к другому юнцу, расстилавшему скатерть на столе перед очагом.

Ганелон в подпоясанной зеленой куртке, брюках, сапогах сидел в кресле с высокой спинкой. Когда я вошел, он поднялся и пошел навстречу поприветствовать меня.

– Сэр Кори, мне уже доложили о ваших сегодняшних подвигах, – сказал он, пожимая мне руку. – Теперь рассказ о том, как вы несли Ланса, кажется еще более достоверным. Должен признаться, что подобной доблести от человека вашего облика я не ожидал... Не хочу, конечно, вас этим обидеть...

Я усмехнулся:

– Какая там обида.

Он подвел меня к креслу, подал мне бокал с бесцветным вином, впрочем, слишком сладким, на мой вкус, и сказал:

– Глядя на вас, я мог бы решить, что справлюсь с таким воином одной левой... Но вы пронесли Ланса целых пять лиг да еще убили по дороге двух клятых кошек. Он рассказал мне и о кэрне, об этих камнях...

– И как он сегодня? – перебил я.

– Пришлось приставить к нему часового, чтобы он не поднимался с постели. Этот бугай захотел было встать и погулять по замку. Но, клянусь, я выпущу его лишь через неделю!

– Так, значит, ему лучше!

Ганелон кивнул:

– За его здоровье.

– За это стоит выпить.

И мы выпили. А потом он сказал:

– Если бы моя армия состояла из мужей вроде вас с Лансом, вся эта история могла бы сложиться и по-другому.

– Какая история?

– Да с Кругом и его стражами, – ответил он. – Вы слышали?

– Ланс лишь упомянул об этом.

Один из мальчиков обжаривал на слабом огне насаженный на вертел громадный кусок говядины; время от времени, поворачивая вертел, он поливал мясо вином. Иногда запах

мяса достигал моих ноздрей, вызывая раздраженное бурчание в желудке и ответный смешок Ганелона. Другой мальчишка отправился на кухню за хлебом.

Ганелон долго молчал. Он допил свой бокал, налил по новой. Я все еще смаковал первый бокал.

– А вы слыхали когда-нибудь об Авалоне? – наконец спросил он.

– Да, – ответил я. – Когда-то от бродячего барда довелось мне услышать такую песню:

«За рекою Блаженных сидели мы, ой да плакали горько, когда вспоминали об Авалоне². Мечи расщепились в наших руках, а щиты мы развесили по ветвям дуба. Серебряные башни пали, утонули в кровавом море. Сколько же миль до Авалона? Да нисколько, – отвечу, – и не ищи, ведь серебряные башни повержены».

– Авалон пал? – удивился он.

– Певец, похоже, был помешанным. Больше я ничего не знаю об Авалоне. Просто мне запомнились эти стихи.

Ганелон отвернулся и молчал несколько минут, а потом проговорил дрогнувшим голосом:

– Было, было такое место. И я жил там много лет назад. Не знал я только, что Авалон пал.

– Почему же оставили вы это место? – спросил я.

– Повелитель Авалона, лорд Корвин, колдун из Амбера,

² Перепев псалма 136 «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе».

прогневался на меня. Сквозь тьму и безумие послал он меня сюда, чтобы я страдал и умер... И я столько страдал и так часто был близок к смерти! Я искал дорогу назад, но ее здесь не знают. Я спрашивал у колдунов и даже у плененной твари из Круга, прежде чем мы убили ее. Дороги на Авалон не знает никто. Как сказал поэт? «Несколько миль до Авалона», – неправильно процитировал Ганелон. – А вы не помните имя того барда, что пел об Авалоне?

– К сожалению, не помню.

– А где находится Кабра, откуда вы держите путь?

– Далеко на востоке, за морем, это королевство расположено на островах.

– Есть какая-нибудь возможность нанять там небольшой отряд? Я могу хорошо заплатить.

Я отрицательно покачал головой:

– Страна невелика, там и армии-то нет, только немногочисленное ополчение, да и дорога в один конец займет несколько месяцев... Наемниками там никто никогда не служит – народ не слишком воинственный.

– Вы-то совсем не похожи на своих соотечественников. – Ганелон еще раз внимательно взглянул на меня.

Я медленно тянул вино, а потом ответил:

– Я был инструктором королевской стражи.

– Тогда, быть может, вы согласитесь остаться здесь и заниматься с моими воинами?

– На несколько недель, пожалуй, задержаться могу.

С мгновенной строгой улыбкой он кивнул:

– Печально мне слышать, что дивный Авалон пал... Но если это так и властелин его, должно быть, мертв ныне... – Он осушил бокал. – Значит, бывают такие времена, когда и демону не защититься... Прекрасная мысль. Выходит, и у нас есть шанс одолеть своих демонов.

– Прошу прощения, – поспешил заметить я, посчитав причину удобной. – Если вы имеете в виду Корвина из Амбера – он не умер, когда все это произошло.

Бокал хрустнул в его ладони.

– Вы знаете Корвина?

– Нет, просто слышал о нем, – ответил я. – Несколько лет назад я повстречался с одним из его братьев... его звали Брэнд. Он рассказал мне тогда об Амбере и о битве... Корвин и его брат по имени Блейз вели целую орду против брата своего Эрика, защищавшего город. Блейз сорвался с горы Колвир, а Корвина взяли в плен. После коронации Эрика его ослепили и заточили в темницу под замком. Там он сейчас, быть может, и пребывает, если уже не умер.

Пока я говорил, Ганелон побледнел.

– Все эти имена – Брэнд, Блейз, Эрик, – промолвил он, – я слышал от него в былые дни. Давно ли все случилось?

– Года четыре назад!

– Он заслуживал лучшей участи.

– После того как он так обошелся с вами?

– Ну, – ответил Ганелон, – у меня было время поразмыс-

лить... и оказалось, что все случилось не без моей вины. Он был силен – сильнее тебя и Ланса, – справедлив... и мудр. Иногда он даже бывал веселым. Уж лучше бы Эрик убил его сразу, а не мучил. Не скажу, чтобы я любил его, но моей ненависти поубавилось. Чертяка заслуживал лучшей доли...

Мальчик вернулся с корзинкой хлеба. Другой уже снял мясо с вертела и на блюде поставил его посреди стола.

Ганелон кивнул.

– Поедим, – предложил он, поднялся и подошел к столу.

Я направился следом. Во время еды мы по большей части молчали.

Набив желудок до отказа и утопив его содержимое в еще одном стакане слишком сладкого вина, я начал зевать. После третьего зевка Ганелон ругнулся:

– К чертям, Кори, вы меня заразили! – И подавил зевок. – Не пойти ли нам прогуляться? – сказал он, вставая из кресла.

И мы пошли вдоль стен, минуя часовых, что вышагивали каждый по своему маршруту. Завидев Ганелона, воины молодцевато приветствовали его, он отвечал дружелюбным словом, и мы следовали дальше. Так мы поднялись на стенку и уселись подышать на каменном парапете, с наслаждением втягивая в себя влажный, полный запахов леса вечерний воздух и глядя на звезды, что одна за одной появлялись на темнеющем небосклоне.

Вдалеке я как будто бы заметил колыхание морских волн. Где-то под нами завела песню ночная птица. Ганелон извлек

трубку и табак из кисета на поясе, поплотнее набил ее, высек огонь. В мимолетном отблеске лицо его могло бы показаться сатанинским, если бы его рот кривился иначе. Известно, что у дьявола – злая ухмылка, но этот... этот был слишком печален для беса.

А потом он заговорил, сначала медленно и едва слышно: – Я помню Авалон. Родился я в достаточно знатной семье. Но добродетель, увы, не была моим достоянием. Наследство быстро утекло сквозь пальцы. И я стал останавливать путников на дорогах. Потом прибил к банде таких же, как и я. А когда понял, что сильнее всех и лучше жоака, чем я, им не найти, то стал командовать шайкой. За наши головы назначили награду... Моя оказалась самой дорогой. – Теперь он говорил быстрее, голос его зазвучал благороднее, и даже сами слова его, словно эхо, доносились из прошлого. – Да, я помню Авалон: серебристые тени, прохладные воды... И костры звезд в небе, и всегда весенняя зелень листвы. Молодость, красота, любовь – все это осталось там, в Авалоне. Гордые кони, блестящий металл, нежные губы. Темный эль. Честь... – Он тряхнул головой. – Однажды, когда стране угрожала война, правитель объявил прощение всем разбойникам, кто последует за ним на поле боя. Таков был Корвин. Я последовал за ним на войну. Сперва был просто офицером, а затем, позже... пошел в его штаб. Мы выигрывали битвы, подавляли восстания. Потом Корвин вновь мирно правил, а я остался при дворе. Хорошие это были годы. Со временем

начались пограничные стычки, но мы неизменно побеждали. Он доверял мне управляться с такими делами. А потом пожаловал герцогство главе второстепенного рода, на чьей дочери собирался жениться. Я же давно добивался этого герцогства, и он все обещал однажды сделать его моим. Тут я пришел в ярость и, когда он направил меня во главе своих войск на южную границу, где всегда что-то шевелилось, предал его... Многие из моих воинов погибли, враг ворвался в страну. Лорду Корвину пришлось снова взяться за оружие. Враг был очень силен, я думал, что государство падет – надеялся на это. Но хитрый лис Корвин справился с бедой. Я бежал, меня схватили и поставили перед ним для приговора. Я проклинал его и плевался. Я не склонил головы, я ненавидел даже землю, на которой он стоял... Обреченный может позволить себе сопротивляться до конца и уйти, как подобает мужчине. Корвин сказал, что помилует меня за прошлые заслуги. Я ответил, что он может катиться со своей милостью, и понял, что он смеется надо мной. Он приказал освободить меня и подошел ко мне. Я знал, что он может убить меня голыми руками. И все же попытался сопротивляться – безуспешно. Он ударил меня, один раз, и я упал. А когда пришел в сознание, то обнаружил, что лежу поперек его лошади и привязан к седлу. По пути Корвин все время сердито мне выговаривал. Я не стал пререкаться, но дивные края сменялись ужасными – тогда-то я и догадался, что он колдун: ведь с тех пор я не встречал никого, кто видел такие

места. А потом он объявил мне свою опалу, освободил меня, бросил здесь и уехал.

Ганелон замолк, чтобы вновь разжечь погасшую трубку, потом раскурил и продолжил:

– Много ударов и ран досталось мне здесь от зубов, рук и дубинок, только чудом я сохранил жизнь. Он оставил меня в самом опасном месте страны. А потом судьба моя изменилась. Некий вооруженный рыцарь повелел мне убираться с дороги, дабы его светлость могла проехать. Мне было уже все равно – жить или умереть, поэтому я назвал его сыном рябой шлюхи и послал к дьяволу. Рыцарь поскакал на меня, но, перехватив копье, я выбросил противника из седла, а потом его же собственным кинжалом вогнал его наглую улыбку прямо ему в зубы. Так раздобыл я коня и оружие. Тут пришла расплата тем, кто притеснял меня. Я припомнил былые подвиги на проезжих дорогах и сколотил новую шайку. Она росла. Нас было уже несколько сотен, и потребности наши все увеличивались. Случалось, и небольшие городки обчищали. Местные нас боялись. Это тоже была неплохая жизнь, хоть и не столь приятная, как в Авалоне, которого я никогда больше не увижу. В придорожных постоялых дворах пугались даже стука копыт наших коней, а путники, завидев нас, мочили штаны. Ха! Так продолжалось не один год. На нас выступали большие отряды, но мы либо скрывались, либо одолевали их из засады. А потом вдруг появился Круг Мрака, и никто не знает почему.

Глядя вдаль, Ганелон яростно запыхтел трубой.

— Мне говорили, что это случилось далеко на западе — появился небольшой круг из поганок. Внутри его нашли мертвую девочку. А нашедший ее мужчина, отец малышки, умер в судорогах через несколько суток. Место объявили проклятым. Круг стал быстро расти и через несколько месяцев был уже в целую лигу. Внутри Круга трава потемнела и стала блестящей, как металл, но не погибла. Деревья скрючились, их листья померкли. Они гремели, даже если не было ветра, и летучие мыши плясали и метались меж ними. В сумерках там бродили странные тени — но всегда внутри Круга, и какие-то огоньки, словно небольшие костры, горели там по ночам. Круг все разрастался, и те, кто жил неподалеку, бежали... в основном. Хотя некоторые остались. И говорят, что эти, кто остался, заключили какую-то сделку с порождениями тьмы. А Круг все ширился, словно волна от брошенного в воду камня. Все больше и больше людей оставалось в нем. Я говорил и бился с такими, убивал их. Они живы, но кажутся мертвыми. В их голосах нет силы и глубины, не наслаждаются они своим словом. И нет в лицах жизни, неподвижны они, словно маски. Потом их шайки начали выходить за Круг и мародерствовать. Людей убивали без сожаления. Много жестокостей совершили они, оскверняли и святыя места. Все жгли за собой, но никогда не крали ничего серебряного. А спустя еще несколько месяцев стали появляться и другие — странные исчадия тьмы вроде адских кошек,

что ты убил. Тогда Круг вдруг перестал расти, словно достиг своего предела. Орды налетчиков лезли и лезли оттуда даже днем и опустошали земли окрест. И когда они опустошили все, Круг двинулся и поглотил новые земли. Он растет теперь только таким образом.

Старому королю Утеру, что долго и безуспешно ловил меня, пришлось позабыть о нас. Все силы бросил он, чтобы обложить Круг. Забеспокоился и я: никому не хотелось оказаться ночью в когтях какого-нибудь адского кровопийцы. Поэтому я взял с собой половину из моих людей – всех, кто пожелал. Зачем брать трусов?.. И мы отправились прямо туда. Толпа этих мертволицых поджаривала живую козу на каменном алтаре, и мы обрушились на них. Одного взяли в плен, привязали к этому алтарю и допросили с пристрастием. Он сказал нам, что Круг будет расти, пока не поглотит всю сушу, от океана до океана, и когда-нибудь замкнется на другой стороне планеты. И если мы хотим спасти свои шкуры, лучше бы нам присоединиться к ним. Тогда один из моих воинов умертвил пленного кинжалом. И он умер, действительно умер, уж мертвого-то я могу отличить от живого – мне частенько приходится это делать. Но когда кровь несчастного попала на камень, рот его открылся и он разразился оглушительным хохотом – такого я в жизни не слышал. Словно гром, поразил нас этот смех. А потом он сел не дыша и начал гореть. И вид его менялся в этом огне, пока на алтаре не оказалось что-то вроде большого козла. А потом зазвучал

голос: «Беги, смертный! Но ты не сумеешь выйти из этого Круга». И, поверь, мы бежали! Летучие мыши и другие твари затмили небо. За нами громыхали копыта. Мы мчались, обнажив клинки, разя направо и налево. Там были и кошки вроде твоих, змеи, какие-то прыгучие твари и Бог знает что еще... Когда мы оказались у края Круга, нас заметил один из патрульных отрядов короля Утера и пришел на помощь. Из пятидесяти пяти человек назад вернулось только шестнадцать. Патрульный отряд тоже потерял человек тридцать. Меня узнали и немедленно доставили ко двору. Сюда. Это был дворец Утера. Я рассказал ему обо всем: что я сделал, что увидел и услышал. Он поступил так же, как Корвин, – даровал всем прощение, если мы выступим на битву против стражей Круга. После того, что я испытал, не было у меня выбора. Круг следовало остановить. Пришлось согласиться. А потом я свалился с ног. Когда очнулся, мне рассказали, что в горячке я провел три дня. После выздоровления я был слаб, как дитя, и остальные, кто побывал в Круге со мною, тоже прошли через это: трое даже умерли. Я обошел всех, рассказал о предложении короля – ни один не отказался.

Король усилил патрули у Круга. Но сдержать его мы не могли, Круг рос. Стычек было немало. Наконец я стал правой рукой Утера, как и когда-то у Корвина. Схватки становились уже битвами. Из адской дыры валили все новые полчища. Несколько битв мы проиграли, враг захватил ряд форпостов. Однажды ночью Круг изрыгнул целую армию... орду...

и людей, и прочих тварей, обитавших там. С такой силой мы еще не сталкивались. Король Утер отправился на поле боя – против моего совета, ведь ему было уже немало лет... Он пал в ту ночь, и страна сейчас не имеет властелина. Я хотел, чтобы наместником сел мой капитан Ланселот...

Ведь он куда достойнее меня. Странно. Я знал Ланселота – ну в точности его – в Авалоне... Но этот Ланселот не узнал меня, и пришлось знакомиться. Странно... Увы, он отказался от места, и меня поневоле заставили взять власть. Я не хочу этого, но деваться некуда. Во всяком случае, теперь я уже три года сдерживаю эту нечисть. Все во мне стонет и зовет бежать! Кто я этим проклятым людям? Что мне с того, если мерзкий Круг станет расти? Я мог бы сбегать за море, найти землю, куда Круг не дотянется при моей жизни, и забыть обо всем. Проклятие! Ни к чему мне это бремя! Но теперь оно мое!

– Почему? – спросил я, и звук собственного голоса показался мне незнакомым.

Ответом было молчание.

Ганелон выбил трубку. Набил, зажег, раскурил.

Молчание продолжалось.

А потом он проговорил:

– Не знаю. Я могу всадить человеку в спину кинжал за пару сапог, если они есть у него, а мне не во что обуться. Я знаю, что говорю, – так я и поступал когда-то. Однако тут... Тут что-то иное. Этот Круг – он против всех, но толь-

ко мне по силам сопротивляться ему. Черт побери! Я знаю, когда-нибудь этот замок станет нашей общей могилой. Но я не могу оставить его. Я должен удерживать нечисть, сколько могу.

Ночной воздух освежил мою затуманенную голову, прояснил сознание, хотя оно существовало как бы в стороне от несколько расслабленного тела.

– А Ланс сумеет править ими? – спросил я.

– Я бы сказал – да! Он добрый человек. Но есть еще одна причина. Мне кажется, что та, похожая на козла, тварь, кем бы она ни была, все-таки немного побаивается меня. Я был в Круге; она заявила, что мне не выбраться оттуда, но я пробился наружу. И пережил эту болезнь. Та тварь знает, что это я противоборствую ей. Мы выиграли кровавое сражение в ночь смерти Утера. Тогда я снова встретил это существо – но уже в другом виде, – и оно узнало меня. Быть может, мое присутствие сдерживает эту тварь.

– Как она выглядела?

– Как человек на пегом коне, только с козлиными рогами и красными глазами. Мы бились, но битва развела нас. И к счастью – чудовищное создание уже одолевало меня. Когда мы скрестили мечи, оно заговорило, и я узнал этот оглушительный голос. Оно называло меня дураком и говорило, что нет у меня надежды на победу. Но наступило утро, поле боя осталось за нами, мы загнали всю мерзость обратно в Круг и убивали бегущих. Всадник на пегом коне исчез. С тех пор

случались еще вылазки, но не такие. И если я уеду из этой страны, Круг немедленно извергнет подобную армию... Ее уже готовят, готовят сейчас. И тварь эта узнает о моем отъезде... так же как узнала она и о том, что Ланс везет мне диспозицию войск в Круге, и послала проклятых стражей убить его по дороге. Теперь она знает и о тебе и будет размышлять, как изменить ход событий. Чудовище будет гадать, кто ты и откуда у тебя такая сила. Я останусь здесь – сражаться с этой тварью, пока не паду. Это мой долг. Не спрашивай почему. Я надеюсь лишь, что, пока не наступил мой последний день, узнаю, как сузить этот Круг... И почему он объявился здесь.

Вдруг что-то затрепетало возле моей головы. Я быстро откинулся – на всякий случай. Впрочем, необходимости в этом не было. Птица. Белая птица уселась на мое плечо и тихо попискивала. Я поднял руку, она перебралась на ладонь. К ноге была привязана записка. Я отвязал ее, прочел и тут же смял в кулаке. А потом уставился вдаль.

– В чем дело, сэр Кори? – поинтересовался Ганелон.

Записку послал я сам, она была написана моей рукой, отправлена с ведомой мне птицей и могла попасть только в назначенное мной место. Но не в этот замок хотел я ее отправить! Однако я смог прочесть собственное предсказание.

– Что это? – спросил Ганелон. – Что это у вас в руках? Записка?

Я кивнул и передал ему бумажку. Выбросить ее было невозможно, ведь он видел, как я отвязывал ее.

Ганелон раскурил трубку и в ее тусклом свете прочитал несколько слов, что были на этом клочке. «Я иду» – гласила записка, после чего следовала моя подпись.

– Значит, он жив? Значит, он явится сюда?

– Похоже.

– Странно, – произнес Ганелон. – Ничего не понимаю.

– Выглядит как обещание помощи, – сказал я, отпуская птицу, которая дважды гулькнула, покружила над головой и исчезла.

Ганелон покачал головой:

– Не понимаю.

– Зачем считать зубы лошади, которая может достаться тебе даром? – сказал я. – Пока вы еле сдерживаете Круг.

– Верно. Быть может, он сумеет уничтожить его.

– Что, если это просто шутка? – возразил я. – Жестокая шутка.

Ганелон вновь покачал головой:

– Нет. Такие вещи не в его стиле. Интересно, что ему надо?

– Быть может, приснится – и узнаем, – предположил я.

– Верно, ничего больше не остается, – сказал он, подавляя зевоту.

Мы встали, вместе прошли по стене и пожелали друг другу спокойной ночи. Я проковылял к кровати и провалился в нее, словно в яму, наполненную снами.

Глава 2

Снова день. Снова ломота. Снова боль.

Мне подарили новый коричневый плащ. Это было недурно, в особенности если учесть, что я скоро раздобрею, а Ганелон, несомненно, вспомнит мои цвета. Я не брился – ведь он помнил меня как раз бритым. Я старался изменять голос, когда он был рядом. Даже прятал Грейсвандир под кроватью.

Всю следующую неделю я немилосердно гонял себя, трудился, потел, пока ломота наконец не утихла и мускулы не обрели твердость. Похоже, я набрал за это время фунтов пятнадцать. Медленно, очень медленно возвращались ко мне силы.

Эту страну называли Лоррен. Так звали и ее тоже. Ну, можно было бы, конечно, наврать; дескать, познакомились мы на лугу за замком, она собирала цветы, а я вышел подышать свежим воздухом. Вздор это.

Ее следовало бы отнести к персоналу, обслуживающему лагерь. Дело было в конце дня, после тяжких трудов, в основном с саблей и булавой. Она стояла в сторонке, поджидала клиента – такой увидел я ее впервые. Она улыбнулась мне, я ответил улыбкой. На следующий день, проходя мимо, я сказал ей «привет». И все.

Она постоянно попадалась мне навстречу. К концу второй недели, когда мышцы перестало ломить и вес мой превысил

сто восемнадцать фунтов, у меня снова появилась охота к этому занятию, и я провел с ней вечерок. К тому времени я уже знал, кто она, и это устраивало меня. Но той ночью мы не занимались обычным в таких случаях делом. Нет.

Напротив, сперва мы беседовали, а потом кое-что произошло.

Говорила она, чуть гнусава, ржаво-рыжие волосы ее были слишком длинными, тронутыми сединой. Косметика густым слоем скрывала усталость и множество веснушек. Я понял, что ей под тридцать. Голубые глаза. Острый подбородок. Чистые ровные зубы и рот, что все улыбался мне. Одежда была слишком яркой и броской. Мне она нравилась. Но не это имел я в виду, когда попросил провести со мной ночь, – у меня и в мыслях не было тогда, что она мне нравится.

Идти было некуда, только в мою комнату. Так мы и сделали. Я стал уже капитаном и воспользовался преимуществами, которые давало мне мое положение: попросил принести обед в комнату и подать лишнюю бутылку вина.

– Люди боятся тебя, – сказала она. – Говорят, что ты не устаешь.

– Неправда, – ответил я, – поверь мне.

– Конечно, – сказала она, качнув слишком длинными локонами, – все устают.

– Естественно, – согласился я.

– Сколько тебе лет?

– А тебе?

– Джентльмен не станет задавать таких вопросов!

– Леди, наверно, тоже?

– Когда ты появился здесь, все решили, что тебе за пятьдесят.

– А?..

– А теперь никто не берется и предполагать. Сорок пять? Сорок?

– Нет, – отвечал я.

– Я тоже так не думала, но твоя борода всех обманула.

– Бороды часто вводят в заблуждение.

– С каждым днем ты выглядишь все лучше, все сильнее...

– Благодарю. Я действительно чувствую себя лучше, чем тогда.

– Сэр Кори из Кабры... – промолвила она. – Где эта Кабра? Какая она? А если я очень попрошу, ты возьмешь меня туда?

– Мог бы пообещать, – ответил я. – Но боюсь солгать.

– Знаю. Просто было бы приятно услышать такое обещание.

– Отлично. Я возьму тебя с собой в это вшивое местечко.

– А ты действительно столь хорош, как говорят мужчины?

– Боюсь, что нет. А ты?

– Не слишком. Ты хочешь уже в постель?

– Нет. Лучше поговорим. Хочешь вина?

– Благодарю... твоё здоровье.

– И твоё.

– Почему же ты так хорошо фехтуешь...

– Способности и хорошие учителя.

– ...и как ты донес Ланса из этакой дали и справился с этими тварями?

– Люди всегда говорят больше, чем было на самом деле.

– Но я же сама видела. Ты сильнее остальных. Поэтому и Ганелон нашел общий язык с тобой. Как бы вы с ним ни порешили, но Ганелон видит всех насквозь. Многие мои приятели были мечниками. Я знаю, как они фехтуют. Ты искрошил бы их в куски. Люди говорят – ты хороший учитель. Ты нравишься им, но и внушаешь опасение.

– Чем же я пугаю их? Своей силой? В мире много сильных людей. Что удивительного в том, что я могу долго махать клинком?

– Они видят в тебе нечто сверхъестественное.

Я расхохотался:

– Нет. Просто я второй фехтовальщик в здешней округе. Впрочем, прости... Может быть, и третий. Но я стараюсь.

– А кто лучше тебя?

– Ну, наверное, Эрик из Амбера.

– Кто это?

– Сверхъестественное существо.

– Он первый?

– Нет.

– А кто?

– Бенедикт из Амбера.

– И он тоже не человек, как и Эрик?

– Если он еще жив, да.

– Значит, и ты тоже, – сказала она. – Почему? Признавайся, ты тоже сверхъестественное существо?

– Подлить еще?

– Вино ударило мне в голову.

– И хорошо.

Я разлил вино по бокалам.

– Все мы умрем, – сказала она.

– Естественно.

– Это будет скоро, здесь. Все мы падем в бою с проклятым Кругом.

– Почему ты так говоришь?

– Он слишком силен.

– Что ж ты тогда делаешь здесь?

– Куда мне еще деваться! Поэтому я и спросила о Кабре.

– И поэтому согласилась прийти ко мне?

– Нет. Я хотела узнать, кто ты.

– Я атлет, нарушающий режим. Ты родилась где-нибудь неподалеку?

– Да, в лесах.

– А зачем ты путаешься с этими парнями?

– Почему бы и нет? Уж лучше такое занятие, чем каждый день счищать с пяток свиное дерьмо.

– А у тебя был когда-нибудь собственный мужчина? Постоянный то есть?

– Да, он умер. Это он нашел Кольцо Фей.

– Сожалею.

– А я – нет. Он обычно пропивал все, что удавалось ему занять или украсть, а потом шел домой и колотил меня. И когда я встретила Ганелона, то просто обрадовалась.

– Значит, ты считаешь, что Круг слишком силен и мы проиграем?

– Да.

– Быть может, ты и права. Хотя надеюсь, это не так.

Она поежилась.

– А ты будешь биться за нас?

– Похоже, придется.

– И никто ведь не скажет просто «да», все с оговорками! Уже это интересно. Мне бы хотелось поглядеть на твой бой с человеком-козлом.

– Почему?

– Кажется, он их предводитель. У нас появился бы шанс, если бы ты убил его. Только ты способен победить его.

– Придется убить, – отвечал я.

– У тебя есть на это свои причины?

– Да.

– Личные?

– Да.

– Тогда удачи тебе!

– Благодарю.

Она допила вино, я подлил еще.

– Уж он-то, без сомнения, сверхъестественное существо, – сказала она.

– Давай переменим тему.

– Хорошо. Только обещаю кое-что сделать для меня.

– Говори.

– Завтра надень броню, возьми копье, крепче держись в седле и вздуй одного детину из кавалерии... Харалда.

– Почему?

– Он побил меня на той неделе, словно покойный Джарл. Ты можешь это сделать?

– Да.

– А сделаешь?

– Почему бы и нет? Считаю его уже наказанным.

Она встала и склонилась ко мне.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– Чушь.

– Верно. А как насчет «ты мне нравишься»?

– Неплохо. Я...

Вдруг озноб и онемение ветром промчались вдоль моей спины. Застыв, я попытался отразить мысленный натиск, отключив разум. Меня искал кто-то из наших – член королевского рода Амбера, – причем с помощью колоды карт, моего Козыря, или как там его назвать. Ощущение это ни с чем не перепутать. Если то был Эрик, значит, он оказался крепче, чем я предполагал; в последний раз я обрушил на его мозг чуть ли не горящий напалм. Едва ли это Рэндом – в том,

что его выпустили из тюрьмы, я сомневался. Если же меня искали Джулиан или Кейн, оба могли катиться в ад. Блейз, по-видимому, был мертв; Бенедикт, возможно, тоже. Оставались Джерард, Брэнд и сестры. Из них только от Джерарда мог ждать я добра. Поэтому я изо всех сил противился зову и справился с ним. Ушло на это минут пять, и, когда все кончилось, я был покрыт потом и тело мое сотрясал озноб, а Лоррен с удивлением смотрела на меня.

– Что случилось? – спросила она. – Ты еще не пьян, да и я тоже.

– Обычный приступ, – ответил я. – Иногда со мной такое случается. Эту болезнь я подцепил на островах.

– Я видела лицо, – сказала она. – Может быть, на полу, а может – в голове. Лицо старца. Воротник его одежды был зеленым, и он был похож на тебя, только борода седая.

Я шлепнул ее.

– Врешь. Не могла ты...

– А я говорю, видела! И не бей меня! Я не знаю, что это значит! Кто он?

– Думаю, это отец. Но, Боже, как странно...

– Что случилось? – повторила она.

– Обычный припадок, – ответил я. – Иногда они случаются со мной, и людям возле меня кажется, что они видят отца или на стене, или на полу. Не беспокойся, эта болезнь незаразна.

– Чушь, – отрезала Лоррен. – Ты все врешь.

– Не спорю. Только прошу, забудь об этом.

– Почему же я должна забыть?

– Потому что я нравлюсь тебе, – пояснил я. – Помнишь?

И еще потому, что завтра я должен вздуть Харалда.

– Верно, – согласилась она.

Меня снова затрясло. Она взяла одеяло с кровати и набросила мне на плечи. А потом налила вина, я выпил. Она села рядом, прислонилась головой к плечу, я обнял ее. Снаружи бесом взвизгнул ветер, часто забарабанил прилетевший с ним дождь. И вдруг словно кто-то постучал в ставни. Лоррен слегка взвизгнула.

– Не нравится мне эта ночь, – объявила она.

– Мне тоже. Закрой дверь на засов, она лишь заперта.

Пока Лоррен выполняла мою просьбу, я развернул кресло так, чтобы сесть лицом к единственному окну. Достал из-под кровати Грейсвандир и обнажил его. Потом погасил все огни в комнате, оставив только свечу по правую руку от себя.

И снова сел, положив клинок на колени.

– Что мы делаем? – спросила Лоррен, усаживаясь слева от меня.

– Ждем, – отвечал я.

– Чего?

– Не знаю, просто ночь такова... Что-то должно случиться.

Она вздрогнула и прижалась ко мне.

– Знаешь, тебе лучше уйти, – сказал я.

– Знаю, – ответила она, – только я боюсь выйти из комнаты. А ты здесь сумеешь защитить меня?

Я покачал головой:

– Не уверен, сумею ли я защитить и себя самого.

Она тронула Грейсвандир.

– Что за дивный клинок!.. Такого мне еще не приходилось видеть.

– Подобного ему нет, – промолвил я.

Рука моя чуть подрагивала, и клинок слегка поворачивался, отражая свет. Меч то казался залитым нечеловеческой оранжевой кровью, то лежал на моих коленях белый как снег, то розовел женским соском, повинувшись моей лихорадке.

Я гадал, как сумела Лоррен увидеть во время попытки контакта то, чего не видел я сам. Она просто не могла придумать ничего столь подходящего случаю.

– Есть нечто странное и в тебе, – сказал я.

Она помолчала, пока пламя свечи не колыхнулось несколько раз, затем произнесла:

– Я немного умею видеть другим взглядом. Моя мать видела лучше меня. И мне говорили, что моя бабка была колдуньей. Ну, этому я не обучена... то есть немного знаю. А если честно, то давно не пробовала. Если я ворожу, то всегда теряю больше, чем получаю.

Потом она умолкла, и я переспросил ее:

– Что ты имеешь в виду?

– Я приворожила к себе моего мужа, – ответила она, – и кем он стал? Не пытайся я ворожить, была бы много счастливей. Я хотела хорошенькую дочку... а случилось совсем другое...

Лоррен вдруг умолкла, и я понял, что она плачет.

– В чем дело? Я не понимаю...

– Я думала, ты знаешь...

– Нет, боюсь, что нет.

– Она-то и была той маленькой девочкой, что нашли мертвой в Кругу Фей. Я думала, ты знаешь...

– Сожалею.

– Как я хотела бы, чтобы у меня никогда не было ни крохи этого умения!.. Теперь я не пользуюсь им. Но оно не покидает меня, приносит знаки и видения – и никогда о том, что я могу изменить. О, если бы только оно оставило меня и смущало кого-нибудь другого.

– Вот этого-то и не будет, Лоррен. Боюсь, что ты уже увязла.

– Откуда ты знаешь?

– В прошлом я знал таких, как ты.

– И у тебя тоже есть это умение, так?

– Да.

– Значит, и ты чувствуешь, что снаружи есть нечто?

– Да.

– И я чувствую. А ты знаешь, что оно делает?

– Ищет меня.

– Я тоже чувствую это. А зачем?

– Может быть, чтобы испытать мою силу. Оно знает, что я здесь. И раз я – новый союзник Ганелона, оно хочет разобраться, кто я и что собой представляю...

– Это сам рогатый?

– Не знаю. Впрочем, не думаю.

– А почему?

– Если я действительно могу погубить эту тварь, едва ли она будет искать меня здесь – в твердыне своего врага, без помощи и поддержки. Должно быть, это кто-то из ее слуг. Может быть, именно об этом и хотел предупредить меня призрак отца... не знаю. Если посланец сумеет найти меня и открыть мое имя, рогатый будет знать, к чему готовиться. Если он сумеет войти и убить меня – проблема решена. Если я убью посланца, сила моя будет известна. Что бы ни случилось, инициатива на стороне рогатого. И ему пока незачем рисковать своей двузубой черепушкой.

Мы ожидали в полутемной комнате, минуты сгорали в пламени свечи.

– Что ты имел в виду, когда сказал «откроет мое имя»? Какое имя? – спросила Лоррен.

– Имя того, кто еще не пришел сюда, – ответил я.

– Значит, оно может откуда-то знать твоё имя?

– Не исключено, – ответил я.

Лоррен отодвинулась подальше.

– Не пугайся, – сказал я, – я не обижу тебя.

– Боюсь, что ты-то меня и обидишь! – ответила она. – Я знаю! Но я хочу тебя! Почему я хочу тебя?

– Понятия не имею, – ответил я.

– Что-то бродит там, за окном! – в легкой истерике крикнула Лоррен. – И все ближе! Ближе! Слушай! Слушай!

– Заткнись! – рявкнул я. Холодные мурашки побежали по спине, петлей сдавило горло. – Скорей, прячься туда, за кровать.

– Я боюсь темноты, – пожаловалась она.

– Живей, иначе мне придется самому запихивать тебя в эту щель. Здесь ты будешь только мешать.

Взмахи тяжелых крыльев заглушили рев непогоды. О камни что-то заскрежетало, и Лоррен рванулась исполнять мой приказ.

И тут на меня уставилась пара кровавых сверкающих глаз, стремившихся заглянуть прямо в душу. Я отвел взгляд. Тварь стояла перед окном на карнизе и разглядывала меня.

Более шести футов было в ней, изо лба выступали громадные ветвистые рога. Нагое тело было пепельно-серым – без признаков пола, громадные крылья исчезали в ночной тьме за окном. В правой руке тварь сжимала короткий тяжелый меч из темного металла. Вдоль клинка были выгравированы руны.левой рукой она вцепилась в решетку.

– Входи себе на погибель, – крикнул я и поднял меч.

Существо хихикнуло, фыркнуло, хихикнуло снова. И попыталось опять заглянуть мне в глаза, но я отводил взгляд:

если оно поглядит подольше, то узнает меня – как те кошки. Потом оно заговорило, словно фагот, выдувая слова.

– Ну, ты не тот, – сказало оно. – Ты ниже и старше. Но... клинок... похож. Кто ты?

– А ты кто? – спросил я.

– Стригаллдвир мое имя. Призови меня, чтобы я мог выесть твоё сердце и печень.

– Призвать? Да я такое имя и не выговорю. А от моего цирроза у тебя будет несварение желудка. Убирайся!

– Кто ты? – повторило оно.

– Мисли гами градил, Стригаллдвир! – воскликнул я, и тварь дернулась, словно от пинка.

– И ты хочешь выгнать меня несколькими словами? – спросила она, вновь став на карниз. – Я не из малых.

– Похоже, что это и мешает тебе.

– Кто ты? – повторило существо.

– Не твоё дело, Чарли. Пичужка, пичужка, лети быстрее домой...

– Четыре раза должен я спросить, и четыре раза можешь ты не отвечать, а потом я волен войти и убить тебя. Кто ты?

– Нет, – отвечал я, вставая, – входи и сгни!

Оно оторвало решетку, прыгнуло внутрь, загасив при этом свечу.

Я ударил навстречу, и посыпались искры, когда Грейсвандир рубанул по темному, исписанному рунами мечу. Потом отпрыгнул назад. Глаза мои привыкли к полутьме, и, хоть

свеча и погасла, я видел тварь. Существо тоже видело меня и было посильнее смертного – как, впрочем, и я сам. Мы кружили по комнате. Из окна садил ледяной ветер, холодные капли хлестали в лицо. Когда я в первый раз ранил тварь в грудь – длинный порез, – она не проронила ни звука, хотя по краям раны заплясали огоньки. После второй раны – в плечо – существо разразилось проклятиями.

– Сегодня я высосу мозг из твоих костей, – орало оно, – а потом выварю их и сделаю дудки! И когда я буду играть на них, твой дух будет корчиться в бестелесной агонии!

– Неплохо горишь! – отвечал я.

Оно слегка замедлило движения, и у меня появилась возможность.

Я отбил в сторону темный клинок и сделал выпад. Он был великолепен, клинок вошел прямо в середину груди и вышел из спины.

Тварь взвыла, но не упала. Грейсвандир вырвался из моей ладони. Языки пламени охватили рану. Существо стояло передо мной и горело. А потом шагнуло ко мне. Я схватил небольшое кресло и выставил его вперед.

– У меня сердце не там, где у людей, – проговорило существо.

И ударило мечом, но я креслом отвел удар и ножкой попал ему в глаз. Затем, отбросив кресло, я ухватил его за правую руку, вывернул ее в сторону и изо всех сил ударил по локтю. Раздался треск, покрытый рунами меч звякнул об пол.левой

рукой существо ударило меня по голове, и я упал.

Оно метнулось к мечу, но я ухватил его за лодыжку и дернул. Оно растянулось на полу. Я навалился сверху и потянулся к горлу. Голову мне пришлось прижать к груди, упереться в плечо врага – левой рукой он терзал мое лицо.

Мои руки сдавили его горло смертной хваткой, и глаза его стремились к моим. На этот раз я не стал отводить взора. А потом что-то кольнуло в основание мозга, и мы оба узнали то, что хотели.

– Ты! – ухитрилось оно выдавить, прежде чем отчаянным усилием погасил я огонь этих кроваво-красных глаз.

Я встал, поставил ногу на труп и вырвал Грейсвандир.

Как только меч вышел из раны, тварь загорелась и полыхала до тех пор, пока от трупа не осталось ничего, только закоптелое пятно на полу.

А потом ко мне подошла Лоррен. Я обнял ее, и она попросила проводить ее домой... спать. Так я и поступил. Больше мы уже ничего не могли. Просто лежали вместе, пока она не выплакалась и не уснула. Вот так я и узнал Лоррен.

Не слезая с лошадей, мы втроем – Ланс, Ганелон и я – смотрели с высокого холма на проклятое место. Поднявшееся к полудню солнце светило нам в спину. Раскинувшаяся впереди картина подтвердила мои опасения.

Место было сродни тому искореженному лесу, что лежал к югу от Амбера.

«Ох, отец мой! Что же я натворил?» – проговорил я про себя, но ответ был уже перед моими глазами: Круг Тьмы, простиравшийся, доколе только хватал глаз.

Через прорези забрала рассматривал я его: обугленную, унылую землю, издававшую зловоние. В эти дни я не поднимал забрала. Люди смотрели на это как на прихоть, но мое положение давало мне право на чудачества. Прошло две недели после битвы со Стригаллдвиром. Я надел шлем наутро, прежде чем выполнить обещанное и вздуть Харалда. Раз лицо опухло, я решил скрывать его.

Теперь я весил уже стоунов четырнадцать и чувствовал себя почти как раньше. Если бы только я сумел помочь убрать эту грязь из страны по имени Лоррен... Я знал уже, что возьмусь за это дело и, быть может, справлюсь с ним.

– Так, – сказал я, – не вижу там собравшегося войска.

– Для этого надо ехать на север, – ответил Ланс, – и мы, вне сомнения, увидим их, когда начнет смеркаться.

– Далеко?

– Лиги три или четыре. Они маневрируют.

До Круга мы ехали два дня. От попавшегося рано утром навстречу патруля мы узнали, что внутри у границ Круга по ночам постоянно собираются войска. Проводят какие-то учения, а к утру исчезают в глубине Круга. А над ним постоянно висит темная туча, хотя гроза все не разражается.

– Позавтракаем здесь или поедem на север? – спросил я.

– Почему бы и не позавтракать? – ответил Ганелон. – Я

просто умираю от голода, а время для еды у нас есть.

Мы спешили и перекусили вяленным мясом, запивая его влагой из фляжек.

– Не понимаю я этой записки. – Ганелон рыгнул, похлопал себя по животу и раскурил трубку. – В грядущей битве он будет рядом или нет? И где он? Где, если собирается помогать? День битвы все ближе и ближе.

– Забудь о нем, – ответил я. – Это, наверно, была шутка.

– Не могу, разрази меня гром! – воскликнул он в ответ. – Все кажется настолько странным!

– В чем дело? – удивился Ланс, и тут я понял, что Ганелон пока ничего еще не сказал ему.

– Мой прежний сеньор лорд Корвин прислал с почтовой птицей весть о своем прибытии, – объяснил Ганелон. – И я до сих пор не могу понять, что это значит.

– Корвин? – переспросил Ланс, и я затаил дыхание – Корвин из Амбера?

– Из Амбера и Авалона.

– Забудь про это послание.

– Почему?

– Он человек без чести, и слова его ничего не стоят.

– Ты знаешь его?

– Я слыхал о нем. Давным-давно он правил в этой стране. Разве ты не помнишь сказаний о демоне-властелине? Это о нем, только было это задолго до нас. Самым лучшим днем его правления оказался тот, когда он отрекся и бежал – все

возненавидели его.

– Это было неправдой!

– Но так ли?

Бесконечное множество теней отбрасывает Амбер, много теней отбрасывает и мой Авалон – я был в нем. На многих землях знают меня; хотя никогда не ступал я там, но тени мои ходили, перевирая мои дела и мысли.

– Нет, – отвечал Ганелон. – Я никогда не придавал значения старым рассказням. Интересно, неужели известный мне Корвин – тот самый, что правил здесь?

– Весьма вероятно, – вмешался я, решив перехватить инициативу в разговоре. – Но если он правил столь давно, то, верно, уж одряхлел или умер.

– Он был колдун.

– Тот, которого я знал, – тоже, – согласился Ганелон. – Он изгнал меня из страны, которую не обнаружить ни знанием, ни хитростью.

– Ты об этом никогда не говорил, – сказал Ланс. – Как же все произошло?

– Не твое это дело, – ответил Ганелон, и Ланс умолк.

Я извлек трубку – два дня назад я разжился ею. Ланс сделал то же. Она была из глины и тянула горячо и крепко. Раскурив, мы все трое молча потягивали дым.

– Да, сработано было крепко, – сказал Ганелон. – Давайте забудем об этом.

Забыть, конечно, никто не мог, но теперь мы тщательно

избегали этой темы.

И если бы не темный Круг, посидеть и отдохнуть было бы, пожалуй, приятно. Вдруг я ощутил, что эти люди стали мне близкими. Захотел что-нибудь сказать, но ничего подходящего в голову не приходило.

Ганелон прервал молчание, возвратившись к насущным делам:

– Значит, ты хочешь поразить их, прежде чем они нападут на нас?

– Правильно, – согласился я. – Перенесем войну на их территорию.

– Беда-то вся в том и заключается, что это теперь их территория, – сказал он. – Они теперь знают ее лучше, и кому ведомо, какие силы способен враг призвать себе на помощь?

– Надо просто убить рогатого, и все рухнет, – ответил я.

– Может быть. А может, и нет. Возможно, ты сумеешь справиться с ним, – сказал Ганелон. – Я-то не надеюсь на свои силы, разве что повезет. Не так прост рогатый, чтобы легко умереть. Наверно, я обманываю сам себя, полагая, что остался прежним, как и несколько лет назад. Что, если я ослаб? Раньше я не был таким домоседом.

– Знаю, – сказал я.

– Я тоже, – согласился Ланс.

– Ланс, а не поступить ли нам, как подсказывает наш друг? – спросил Ганелон. – Не следует ли нам атаковать?

Тот хотел было пожать плечами и уклониться от ответа,

но передумал.

– Да, – ответил он. – Они едва не одолели нас, когда умер король Утер. А теперь мы не нападаем, потому что боимся поражения. О, конечно, победа достанется им нелегко, мы нанесем врагу тяжкий урон. Но, я думаю, они переселят... Посмотрим, что там у них, хорошо все обмозгуем, а потом решим, готовиться ли к нападению.

– Хорошо, – сказал Ганелон. – Меня уже тошнит от ожидания. Решим по возвращении.

И мы отправились в разведку.

Сперва мы ехали на север, потом выбрали удобное место и спрятались в холмах, откуда был виден Круг. Там, внутри, они поклонялись чему-то или упражнялись с оружием. Я прикинул – их было тысячи четыре. У нас – не больше двадцати пяти сотен. Были там и странные летучие, ползучие и прыгучие твари, издаваемые ими звуки разносились повсюду. Но сердца наши не дрогнули.

Мне нужно было только увидаться с глазу на глаз с их предводителем, и все стало бы ясно – так или иначе. Все, целиком. Я не мог сказать об этом друзьям, но такова была правда.

Дело в том, что я-то и был виноват во всем. Круг появился благодаря мне, и уничтожить его мог лишь я сам, если хватит сил.

Уверенности в этом у меня не было.

В страдании, ярости, ужасе и муке вызвал я это проклятие

к жизни. И на всех землях отразилось оно. Такова цена крови принца Амбера.

Мы следили за воинами Мрака всю ночь, а утром уехали. И решили – атаковать!

На обратном пути нас никто не преследовал. А когда мы вернулись в Твердыню Ганелона, то засели за планы. Наши силы были уже в отличной форме, и мы решили атаковать в ближайшие две недели.

Лежа рядом с Лоррен, я сказал ей об этом. Она должна была знать. Я мог унести ее отсюда в Царство Теней этой же ночью, если бы только она согласилась.

Но Лоррен возражала.

– Я останусь с тобой, – сказала она.

– Хорошо.

Я не раскрыл ей, что все будет решено моею рукой, но, похоже, она догадывалась об этом и по какой-то причине верила мне. Об этом не стоило думать – в конце концов, это ее право.

– Ты знаешь, чем все может обернуться, – предупредил я.

– Знаю, – отвечала она, и было ясно, что действительно знает.

Потом мы занялись любовью, а позже – уснули.

Ей приснился сон.

Утром Лоррен сказала мне об этом.

– И что же ты видела? – спросил я.

– Предстоящую битву, – объяснила она, – и ты бился с рогатым.

– И кто победил?

– Не знаю. Только пока ты спал, я сделала кое-что полезное для тебя.

– Уж лучше бы ты этого не делала, обычно я сам о себе забочусь.

– А потом я увидела свою смерть.

– Давай-ка я заберу тебя отсюда в укромное место.

– Нет, мое место здесь, – твердо заявила она.

– Я не собираюсь лишать тебя свободы, – сказал я, – просто мне по силам спасти тебя от привидевшейся во сне судьбы. Поверь, для меня в этом нет ничего сложного.

– Я верю тебе, но никуда отсюда не уеду.

– Чертова дура!

– Я хочу остаться.

– Ну, как хочешь... Слушай, а может, мне послать тебя на Кабру?

– Нет.

– Проклятая дура!

– Я знаю. Я люблю тебя.

– Глупая, правильно надо говорить: «Ты мне нравишься». Помнишь?

– Ты справишься с ним, – сказала она.

– Иди к черту! – ответил я.

И она тихо заплакала и не могла успокоиться, пока я не утешил ее еще раз.

Такова была Лоррен.

Глава 3

В то утро я задумался обо всем. И о своих братьях и сестрах, словно об игральных картах, что было вовсе несправедливо. Я вспомнил госпиталь, где очнулся, вспомнил, как ступил на Путь в Ребме, о Моэри, которая сейчас была, должно быть, с Эриком. Я подумал о Блейзе, о Рэндоме, Дейрдре, Кейне, Джерарде и Эрике...

Несколько раз на нас нападали — это были небольшие партизанские стычки. Истребив нападавших, мы следовали дальше. Достигнув заранее намеченного района, разбили лагерь в холмах у Круга, расставили стражу и отправились отдыхать. Наш сон не потревожил никто. Я проснулся, размышляя, неужели все сестры и братья думают обо мне то же, что и я о них. Это было бы грустно.

Уединившись в небольшой рощице, я налил в шлем воды, взбил пену и сбрил бороду. А потом, не торопясь, оделся в изношенное одеяние своих цветов. Теперь я вновь был тверд, как камень, черен, как земля, и скрытен, словно ад. Сегодня день испытания. Я надел кольчугу, шлем, надвинул забрало, перепоясался, сбоку пристегнул Грейсвандир. Потом заколол плащ на шее булавкой в виде серебряной розы.

Тут за мной явился посланец известить о том, что почти все готово.

Я поцеловал Лоррен, которая все же настояла на своем. А

потом уселся на своего чалого по кличке Стар и отправился вперед.

По дороге ко мне присоединились Ганелон и Ланс.

– Мы готовы, – дружно сказали оба.

Я вызвал офицеров и дал им инструкции. Они отсалютовали, повернули коней и разъехались.

– Теперь недолго, – сказал Ланс, раскуривая трубку.

– Как твоя рука?

– Хорошо, – ответил он. – А после твоей вчерашней обработки даже чудесно.

Я поднял забрало и закурил.

– Ты сбрил бороду, – удивился Ланс. – Не могу даже представить тебя без нее.

– Так шлем прилегает лучше, – ответил я.

– Желаю нам удачи, – сказал Ганелон. – Не знаю я никаких богов, но, если кто-нибудь из них позаботится о нас, я буду ему благодарен.

– Бог един, – отвечал Ланселот. – Я молю его, чтобы не оставил нас своей милостью.

– Аминь, – закончил Ганелон, зажигая трубку. – На весь этот день.

– Он будет наш, – сказал Ланс.

– Конечно, – ответил я. А солнце своим краем растревожило восток и утренних птиц в ветвях. – Похоже на то.

Докурив, мы выбили трубки и упрятали в кисеты. Потом затянули все ремни и застегнули пряжки на броне.

Ганелон сказал:

– Ну что же, начнем.

Офицеры отрапортовали, мои воины были готовы.

Спустившись по склону, мы собрались у границы Круга.

Внутри ничто не шевелилось, войска не было видно.

– Интересно, как насчет Корвина? – произнес Ганелон.

– Он с нами, – заверил я его, и Ганелон посмотрел на меня странным взглядом, словно впервые заметив розу, а потом резко кивнул.

– Ланс, командуй, – сказал он, когда все собрались.

Ланс извлек клинок. Отзвук его клича «Вперед!» эхом прогромыхал вокруг.

Мы беспрепятственно въехали в Круг на полмили, и тут началось. Впереди нас было пять сотен, все на конях. Появилась черная конница, мы встретили ее.

Через пять минут они были сломлены, мы двинулись дальше.

Тогда мы услышали гром.

Засверкали молнии, хлынул дождь. Наконец разразилась гроза.

Тонкая линия пехоты с копьями обреченно преграждала нам путь. Все чувствовали засаду, но обрушились на них.

Тотчас кавалерия навалилась на фланги.

Мы развернулись и схватились всерьез.

Прошло, наверно, минут двадцать...

Мы держались, поджидая главные силы.

А потом оставшиеся две сотни или около того поскакали дальше.

Люди. Мы убивали людей, и они убивали нас – мрачные люди с серыми лицами. Но мне нужен был один из них. Другой...

Перед нами открылся спуск, далеко впереди раскинулась цитадель Мрака.

Я поднял клинок.

Мы спускались, они нападали. Шипели, квакали... Это значило, что у него туго с людьми. Грейсвандир пламенем полыхал в моей руке – молния, так сказать, переносной электрический стул. Враги приближались. Я убивал их, и они сгорали, умирая. Справа Ланс сеял такой же хаос в рядах атакующих, что-то бормоча себе под нос, – разумеется, молился за убитых. Слева наотмашь косил Ганелон, оставляя за своей спиной только костры.

Цитадель в блеске молний все приближалась.

Оставшаяся сотня бурей мчалась вперед, адские твари ложились нам под ноги.

У ворот нас встретила пехота: люди и твари. Мы ринулись в бой.

Их было больше, но выбора у нас не оставалось. Ведь мы и так слишком оторвались от своей пехоты. Я, впрочем, не видел в этом беды. Время, теперь все решало время...

– Надо пробиться! – выкрикнул я. – Он там, внутри!

– Он мой! – отвечал Ланс.

– Отдаю его вам! – отозвался Ганелон, укладывая нечисть мечом. – Давайте, если сумеете! Я помогу!

И мы разили, разили и разили, а потом удача обратилась лицом к ним. Они напирали: уроды, в ком человеческое мешалось со звериным, и люди. Мы сбились в плотный клубок, отражая удары со всех сторон. Тут появилась наша пехота, с головы до ног заляпанная грязью, и с ходу бросилась на врага. Мы вновь пробились к воротам; теперь нас оставалось сорок или пятьдесят человек.

Мы ворвались во двор. Там тоже были воины противника...

Лишь дюжина сумела пробиться к подножию черной башни, где нас мечами встретила стража.

– Туда! – крикнул Ганелон, когда мы соскакивали с коней.

– Туда! – крикнул Ланс, и я не понял, кому кричат они – себе или мне. А потом решил, что мне. Оставил в стороне сражающихся и кинулся вверх по лестнице.

Он должен быть там, в самой высокой башне, и мне надлежит встретить его лицом к лицу и повергнуть. Я не знал, по силам ли мне это, но обязан попробовать. Ведь только я знал, откуда явился он сюда, и только благодаря мне он сумел сделать это...

Наверху была тяжелая деревянная дверь. Я толкнул – она оказалась запертой. Я ударил изо всех сил. Дверь с грохотом рухнула.

Он стоял у окна. Закованное в легкую броню мужское тело венчала голова козла.

Я переступил порог и остановился.

Он обернулся на грохот и теперь пытался уловить мой взгляд за сталью забрала.

– Смертный, ты зашел слишком далеко, – проговорил враг. – Впрочем, смертен ли ты? – И в руке его сверкнул клинок.

– Спроси Стригаллдвира, – ответил я.

– Значит, это ты убил его... Он узнал твое имя?

– Быть может.

На лестнице загрели шаги. Я отступил влево от дверного проема. В палату ворвался Ганелон. Я крикнул:

– Остановись!

Он встал как вкопанный и обернулся ко мне.

– Вот же эта тварь! – воскликнул он. – Что это?

– Это мой грех, грех против всего, что я любил, – сказал я. – Отойди. Он мой.

– Он в твоей власти.

Ганелон не шевельнулся.

– Ты действительно так считаешь? – спросило мерзкое существо.

– Проверь, – ответил я и ринулся на него.

Оно не стало фехтовать. Любой смертный мечник счел бы такой прием безумным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.